

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'23

Бухтиярова С.А.

ВЕРБАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНГИБИРУЮЩЕГО И ОПТИМИЗИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЦЕЛИ ЖИЗНИ НА ЛИЧНОСТЬ*

Аннотация. Статья посвящена ингибирующему и оптимизирующему воздействию цели жизни на личность в художественной литературе. Это воздействие может детерминировать личностный рост или деградацию личности и зависит от структуры личности.

В статье описано семантическое поле цели жизни личности.

Ключевые слова: лингвистика, психолингвистика, художественная литература, семантическое поле, цель жизни личности, личностный рост, деградация.

Цель – это предполагаемый осознаваемый результат, к которому может привести действие [8].

Основные аспекты характеристики цели, выделенные психологами [1], [13], [11], [4], [14]: 1. уровень трудности; 2. специфичность цели; 3. близость/отдаленность достижения цели; 4. личностные качества, необходимые для достижения цели: мужество, настойчивость, целеустремленность, мотивация и т.д.; 5. влияние цели на успешность деятельности, получение удовольствия (разочарования) от деятельности, повышение/снижение уровня притязаний; 6. наличие риска при достижении цели; 7. уровень сознательности; 8. уровень нравственности; 9. уровень адекватности.

Воля личности тесно связана с достижением цели и является сознательной организованной и регулируемой человеком деятельностью, обеспечивающей достижение поставленной цели. В структуру воли входят следующие компоненты:

внутренние: борьба мотивов, настроение, привычки;

внешние компоненты воли: препятствия, связанные с деятельностью в макросоциуме и микросоциуме.

Потребности человека обеспечивают деятельность воли.

«Рефлекторная природа волевой регуляции поведения предполагает создание в коре мозга очага оптимальной возбудимости, который выступает в качестве носителя цели воздействия» [11, 131].

Цель волевого действия – преодоление препятствий.

Ведущими функциями воли являются интергация, регулирование, стимуляция, сдерживание.

Проблема исследования воли в онтогенезе и в трудах античных и средневековых писателей, а также представителей учения йогов, исламской религии, буддизма, православия и современных психологов позволяет выделить разнообразные цели жизни человека. У йогов – свобода духа, освобождение, аскеза, самоотречение, направленная на выработку воли и твердого характера, любви к людям и помощи им, делание добра; буддизм нацелен на выработку воли, способствующей в усердных занятиях просветлению; ислам требует подчинения воли личной воле божественной; христианская религия проповедует отречение от своей воли, своего «Я» и принятие воли Бога, как своей, что является высшим проявлением свободы личности [11].

Цель воли – сознательное регулирование нашей жизни [4].

Осознание важности цели для человека является тем показателем, который указывает на то, сколько усилий он готов приложить для достижения результата. Если цель оказывается важнее жизни, то усилия, прилагаемые для ее достижения, могут быть причиной смерти человека.

Ядром волевого акта является борьба мотивов, результатом – деятельность, направленная на достижение той или иной цели. Для достижения цели важны функции воли: направляющая,

* © Бухтиярова С.А.

организуемая, сдерживаемая. Важна взаимосвязь воли и насилия, энергия воли и сила воли, тренировка произвольного внимания, интроспекция; мудрость воли важны для достижения цели [1].

Учение о целевой установке учеников З. Фрейда Д.Н. Узнадзе, К. Юнга раскрывают личностные особенности носителей воли (интроверт, экстраверт, амброверт).

Психологи подробно исследуют взаимосвязь цели и внутриличностного конфликта, лежащего в основе самосовершенствования и самоактуализации человека (К.Г. Юнг, К. Хрони, А. Маслоу, К. Роджерс). Внутриличностный конфликт – это острое негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой противоречивых и взаимоисключающих целей, мотивов, ценностных ориентаций личности [8].

Внутриличностные конфликты включают следующие основные виды [2, 289]:

1. мотивационный конфликт,
2. нравственный конфликт,
3. конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности,
4. ролевой конфликт,
5. адаптационный конфликт,
6. конфликт неадекватной самооценки,
7. невротический конфликт.

Причины внутриличностного конфликта содержат личностные особенности и обстоятельства взаимодействия индивидов. Внутриличностный конфликт может быть конструктивным и деструктивным. В основе профилактики внутриличностного конфликта лежит осознание личности себя, сознание правильного образа «Я». Как и сам внутриличностный конфликт, его разрешение может быть конструктивным и деструктивным.

Ввиду того, что лексические (ЛЕ) и фразеологические единицы (ФЕ), а также пословицы хранятся в гностических зонах мозга в форме семантических полей [9], [14] мы представили исследуемые единицы в форме семантического макрополя цели жизни человека. Это макрополе включает 2 микрополя: 1. микрополе содержательной характеристики единиц и 2. микрополе процессуальной характеристики ЛЕ и ФЕ. Процессуальная характеристика ЛЕ и ФЕ представлена нами примерами жизнедеятельности героев произведений художественной литературы. Необходимо отметить, что мы ввели при характеристике воздействия цели на личность носителя цели и окружающих его людей понятия, раскрывающие уровень оптимизирующего и ингибирующего (разрушительного) воздействия на личность.

Оптимизирующим воздействием (оптимизатором) мы назвали воздействие на личность, обеспечивающее личностный рост.

Ингибирующим воздействием (ингибитором) мы назвали воздействие, разрушающее личность и ведущее к ее деградации.

Семантическое макрополе цели жизни человека нами представлено как целостная система, так как в нем присутствует системообразующий фактор архисема «цель» («aim»), формирующая ядро макрополя, а также дифференциальные семы, которые формируют периферию поля. Дифференциальные компоненты подчинены архисеме, что свидетельствует об иерархической структуре макрополя [16], [17]. При исследовании семантического поля мы опирались на определение Л.Л. Нелюбина: «Семантическое поле – совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд; слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область знаний. 2. группа слов, значения которых имеют общий семантический компонент [10, 191]. В состав макрополя содержания цели жизни человека входят следующие семантические группы. Мы приводим ниже примеры только самых частотных групп и представляем их в виде сопоставления оптимизирующих и ингибирующих вербальных семантических компонентов.

Семантическая группа «цели преодолеть трудности». Раскрывает оптимизирующее целевое воздействие на личность. В группу входят ЛЕ и ФЕ, содержащие семы «мужество», «решительность», «упорство», «концентрация усилий», «выносливость». Например, «взять себя в руки», «занять твердую позицию». Стереотипы: «Илья Муромец», «богатырь». Пословица: «Терпение и труд все перетрут».

Характеристика цели ингибитора «уклонение от трудностей» включает семантические компоненты слабой воли, лени, стремление уйти от проблемы. Например, «заливать горе вином». Часто в ЛЕ и ФЕ в этом случае входят семы страха и отчаяния: «рвать на себе волосы», «поджилки трясутся».

Семантическая группа цели-оптимизатора «раскрыть истину», «найти истину» содержит семантические компоненты, вербально характеризующие честность, правду, душевную чистоту. Например, «чистосердечно признаться», «душа нараспашку».

Семантическая группа цели-ингибитора «скрыть истину» содержит компоненты, характеризующие ложь, лицемерие, подлость. Например, «двуличие», «надувать», «вешать лапшу на уши».

Семантическая группа цели-оптимизатора «делать добро людям», «поддерживать хорошие отношения с людьми» содержит компоненты «приносить радость», «делать (дарить) добро». Например, стереотипы: «Василиса Премудрая», «душа компании», «золотое сердце».

Семантическая группа цели-ингибитора «делать зло людям» содержит компоненты «подлость», «физический ущерб», «моральный ущерб». Стереотипы: «Баба Яга», «Кощей Бессмертный», «Змея подколотная», «Джек - потрошитель».

Семантическая группа имплицитно выраженной цели часто содержит компоненты, которые вычлняются при контекстологическом анализе, они могут не содержаться в дефинициях языковых единиц. Иногда они характеризуют сомнение и замедление деятельности. Например, «колебаться», «сомневаться», «семь раз отмерь - один отрежь», «ждать у моря погоды», «сидеть как пень».

ФЕ и ЛЕ, характеризующие разумную-неразумную цель деятельности:

Оптимизатор – Василиса Премудрая, ингибитор – Иванушка – дурачок.

Лексическая структура ФЕ поля цели жизни человека довольно разнообразна и включает следующие лексемы: названия частей тела, природных богатств, животных, имена собственные. Например, золотое сердце, Дон Жуан, змея подколотная.

Мы исследовали произведения художественной литературы, в которых цель жизни человека, ее достижения и результаты характеризуются вербально наиболее глубоко, всесторонне, многогранно и образно.

В этих произведениях раскрываются наиболее всесторонне оптимизирующее и ингибирующее влияние цели жизни человека на него самого и на окружающих его людей.

Например, герой романа С. Шелдона «Полночные воспоминания» [19], будучи членом многодетной семьи рыбака, был носителем ингибирующей цели жизни, т.к. он с детства мечтал быть богатым. Он поставил перед собой цель «стать самым состоятельным человеком в мире». Он всю жизнь посвятил достижению этой цели и вошел в тройку богатейших людей Земли. Эта цель является ингибитором, т.к. она безнравственна, её достижение очень часто толкало героя на совершение безнравственных, приносящих вред людям поступков, достижение этой цели привело Деми-риса к личностной деградации и смерти [19].

Оптимизирующей можно назвать цель,

формирование и достижение которой ведет к нравственному росту, как носителя этой цели, так и окружающих его, связанных с ним людей [4], [14].

Ярким примером оптимизирующей цели является цель жизни Чайки Джонатана Ливингстона, героя произведения Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» [18].

Достигнув совершенной скорости, Чайка стремится достичь совершенства взаимоотношений, основанных на любви.

«Чайка по имени Джонатан Ливингстон» - это повесть-притча о целеустремленной, высококонраственной птице, которая имела оптимизирующую цель и высокий смысл жизни [18]. Целью и смыслом жизни она не считала поиски пищи и существование по законам стаи. Её цель жизни была «найти совершенство и показать его людям». Поставив цель летать выше и дальше остальных и научить этому других молодых чаек, она столкнулась с презрением и ненавистью Стаи, когда начала воплощать свою мечту в жизнь, ей пришлось расстаться со своим домом, родителями и выбирать новый путь в жизни. Но, преодолев все трудности и достигнув цели, она стала сильной и любящей птицей, её полюбили и поддержали остальные чайки, появились ученики и последователи, которым она смогла передать свой опыт и знания, желание вдохновить других чаек искать совершенство.

В произведении много ЛЕ и ФЕ - оптимизаторов, характеризующих целеустремленность; волевой, эмоциональный, интеллектуальный контроль, огромное самообладание, вдохновение.

В начале рассказа, Чайка пытается научиться летать быстрее, чем остальная Стая, проводит много времени в небе, изо всех сил старается добиться желаемого, хотя не сразу добивается высоких результатов. Мы выделили жирным шрифтом оптимизаторы ЛЕ и ФЕ в следующем отрывке из анализируемого произведения.

«The subject was speed, and in a week's practice he learned more about speed than the fastest gull alive. From a thousand feet, flapping his wings as **hard as he could**, he pushed over into a blazing steep dive toward the waves, and learned why the seagulls don't make blazing steep power-dives». (Он изучал скорость полета и за неделю тренировок узнал о скорости больше, чем самая быстролетная чайка на этом свете. Поднявшись на тысячу футов над морем, он бросился в крутое пике, **изо всех сил размахивая крыльями**, и понял, почему чайки пикируют, сложив крылья [18, 3] (волевой контроль).

He closed his eyes to slits against the wind and rejoiced. A hundred forty miles per hour! And **under control!** (Он сощурился, чтобы защитить глаза от ветра и его охватила радость. Сто сорок миль в час! **Не теряя управления!**) [18, 5]

He was alive, trembling ever so slightly with delight, proud that **his fear was under control.** (Он был полон сил и лишь слегка дрожал от радости, он был горд, что сумел побороть страх) [18, 8].

With the same inner control, he flew through heavy sea-fogs and climbed above them into dazzling clear skies... in the very times when every other gull stood on the ground, knowing nothing but mist and rain, (с таким же самообладанием он летал в полном морском тумане и прорывался сквозь него к чистому, ослепительно сияющему небу... в то самое время, когда другие чайки жались к земле, не подозревая, что и на свете существует что-то, кроме тумана и дождя) [18, 10].

“Can you teach me to fly like that?” Jonathan Seagull trembled to **conquer another unknown.** («Ты можешь научить меня так летать?» - Джонатан Сигал дрожал, **предвкушая радость ещё одной победы над неведомым**) [18, 12] (вдохновение).

He stood on the sand and fell to wondering if there was a gull back there who might be struggling **to break out of his limits,** to see the meaning of flight beyond a way of travel to get a breadcrumb from a rowboat. (Он стоял на песке и думал, что если там, на Земле, есть чайка, которая **пытается вырваться из оков своего естества,** понять, что могут дать крылья, кроме возможности долететь до рыболовного судна и схватить корку хлеба.) [18, 14].

Наряду с ФЕ, характеризующими волевой контроль личности, стремление достичь своей цели, постичь то, что недоступно другим, в рассказе нам также встретилась пословица-оптимизатор:

“John, you were Outcast once. Why do you think that any of the gulls on your old time would listen to you now? You know the proverb, and it is true: **The gull sees farthest who flies highest.** Those gulls where you came from are standing on the ground, squawking and fighting among themselves. They’re a thousand miles from heaven - and you say you want to show them heaven from where they stand!” («Джон, тебя однажды приговорили к Изгнанию. Почему ты думаешь, что те же чайки захотят тебя слушать сейчас? Ты знаешь поговорку и знаешь, что она справедлива: чем выше летает чайка, тем дальше она видит. Чайки, от которых ты улетел, стоят на земле, они кричат и дерутся друг с другом. Они живут за тысячу миль от небес, а ты го-

воришь, что хочешь показать им небеса - оттуда, с Земли!») [18, 21].

Обучая чаек летать, Джонатан демонстрирует высочайшее педагогическое мастерство и прилагает огромные волевые усилия для достижения желаемого результата, цели. В рассказе нам встретилась ФЕ-оптимизатор, которая характеризует одновременно целеустремленность, волевой контроль и сверхнормативное поведение - **to the limit of one’s ability** (на пределе возможностей, максимальное раскрытие способностей). Данная ФЕ может служить ярким примером диффузности границ значения ФЕ, входящей одновременно в разные семантические поля.

Grey-feathered backs were turned upon Jonathan from that moment onward, but he didn’t appear to notice. He held his practice sessions directly over the Council Beach and for the first time began pressing his students **to the limits of their ability.** (С этой минуты Джонатан видел только серые спины чаек, но он, казалось, не обращал внимания на то, что происходит. Он проводил занятия прямо над Берегом Совета и впервые старался выжать из своих учеников все, на что они были способны) [18, 32].

Проанализируем очень ярко эмоционально окрашенную сцену возвращения Чайки в Стаю, где её не ожидали встретить живой.

There were four thousand gulls in the **crowd,** frightened at what had happened, and cry DEVIL! Went through them like wind of an ocean storm. Eyes glazed, beaks sharp, they closed it to destroy. (Четыре тысячи чаек, перепуганные невиданным зрелищем, кричали: ДЬЯВОЛ! - и этот вопль захлестнул стаю, как бешеный ветер во время шторма. С горящими глазами, с плотно сжатыми клювами, одержимые жаждой крови, чайки подступали всё ближе и ближе) [18, 33].

Используя лексическую **единицу-ингибитор crowd (толпа)** в данном контексте, автор подчеркивает агрессивное настроение в Стае. Здесь толпа - это символ коллективного бессознательного, массового психоза. Р.Бах подчеркивает, что разъяренная толпа была готова убить Чайку и её учеников, но их цель была для них выше жизни, ради неё они готовы были погибнуть, так как хотели зажечь чаек желанием быть лучше, совершеннее. И они победили: к ним присоединились другие чайки, которые под их руководством начали путь к профессиональному совершенству и личностному росту. Любовь к чайкам, терпение, целеустремленность и сильная воля помогли Джонатану победить и преодолеть все трудности. В этом самое главное в достижении цели жизни, которое выражено словами старейшей Чайки,

учителя Джонатана: “Work on love.” («Работай над любовью».) [18, 33]. Цель деятельности тех, кто внёс самый глубокий вклад в улучшение жизни людей во все века и во всех странах, была основана на любви к людям.

В художественной литературе, представленной в нашей выборке, имеются произведения в большинстве случаев посвященные достижению целей в профессиональной деятельности. Бесспорно, эти цели-оптимизаторы у успешных профессионалов чаще всего основаны на любви к людям и высокой нравственности, поэтому взаимная любовь к ним людей порождает желание работать, трудолюбие, ещё большую любовь к своей профессии и желание достичь высоких результатов. Высокие результаты трудовой деятельности, успешное применение современных достижений науки часто вызывает ингибирующую реакцию - зависть у неуспешных коллег и даже месть с их стороны, а длительное нахождение на работе, поздние возвращения домой могут вызвать озлобление семьи и даже уход мужа или жены.

Поэтому борьба за высочайший профессионализм, приносящий окружающим людям здоровье, счастье, материальные блага требует огромной любви к людям, терпения, мужества, сильной воли, стрессоустойчивости, любви к своей профессии, последовательности, честности и профессионализма у людей любой профессии. Мы включили в выборку исследуемых произведений работы, посвященные профессионалам высочайшего класса: педагогам (Б. Шоу «Пигмалион», Ш. Бронте «Джейн Эйр»), летчикам (Р. Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», С. Шелдон «Полночные воспоминания»), врачам (А. Кронин «Цитадель», Поль де Крюи «Борьба с безумием»).

Доктор Мэнсон, герой романа А. Кронина «Цитадель», молодой, талантливый врач, любящий своих пациентов, боролся против тяжелых условий труда и жизни шахтеров. Мэнсон провел полное клиническое наблюдение над шахтерами, на предмет выявления у них профессиональных болезней и успешно лечил эти болезни, чем пренебрегали члены профсоюзного комитета и мстили доктору Мэнсону.

Успехи доктора Мэнсона в лечении больных не могли не сказаться на взаимоотношениях с врачебным профсоюзом. В его адрес посыпались обвинения, пренебрежительные отзывы, но он старался не терять самообладания, мужества и целеустремленности, не сужал, а только расширял сферу деятельности: начал изготовление витаминных таблеток «кремофакс», подключил

физиотерапию (свет, электричество). Его хотели исключить из врачебного профсоюза, однако, учитывая успешную работу Э. Мэнсона, врачебный Совет принял решение, оставить его в рядах членов профсоюза: «Эндрю Мэнсон, Совет, внимательно рассмотрев предъявленное Вам обвинение, а также показания свидетелей, находит, что, несмотря на некоторые особенности этого дела и Ваше крайне неуместное изложение их, Вы действовали с добрыми намерениями, искренне желая поступать в духе закона, требующего от врачей верности высоким идеалам их профессии. Я должен Вам сообщить, таким образом, что Совет не счел нужным исключать Ваше имя из официальных списков». [5, 380].

Мэнсону приходилось много работать, включая ночные дежурства у постелей больных, так как он истинный трудолюбивый врач, который полностью отдает себя работе. Его деятельность наиболее частотно характеризуется ФЕ и ЛЕ – оптимизаторами, раскрывающими сильную волю, энергичность, целеустремленность, высокий уровень эмоционального и волевого контроля, эмпатию и любовь к пациентам:

to take pains - стараться изо всех сил; **to sweat blood** - работать не покладая рук, до седьмого пота; **to pull oneself together** - держать себя в руках; **to have a way with smb.** - найти подход к кому-либо [7].

Данные ФЕ - оптимизаторы можно встретить и в характеристике другого врача Джека Фергюсона, героя романа Поля де Крюи «Борьба с безумием». Сам автор характеризует его как непритязательного врача ЛЕ – оптимизаторами: «незаметный труженик на своем посту» [6, 6].

«Он скромный труженик за медицинским верстаком и таковым навсегда останется. В нем чувствуется искреннее и безмятежное равнодушие к научной известности: в нем есть какая-то неуклюжая самобытность, редкая в наше время; он обладает даром Достоевского - проникать в глубины человеческого сердца. Он - человек» [6, 6].

Поль де Крюи связывает успехи Д. Фергюсона с любовью к людям. «Он - жрец нежной любовной заботы. Щедрый без разбора, изливает любовь на того, кто не может ужиться сам с собой или с другими, на грешников и преступников, на буйных и тихо скорбящих» [6, 14]. Эта любовь - следствие того, что, однажды пристрастившись к снотворным таблеткам, перенес барбитуровый психоз, лечился в психиатрической клинике и испытал всю жестокость и грубость врачебного персонала. Его гуманизм, вера в человеческие возможности и человеколюбие помогли ему

вновь вернуться к врачебной практике, получить диплом врача, устроиться работать в деревенскую больницу. Его профессия, характер, цель жизни побудили к научным открытиям, при работе с пациентами он демонстрировал огромные оптимизаторы: все чудеса человеколюбия, профессионализма, мужества, проявляя большую энергию и инициативность.

Его поведение ярко характеризуется ФЕ и пословицами - оптимизаторами:

“**While there is a will, there is a way**” - там где воля, там и выход; **to put one's foot down** - занять твердую позицию; **to burn one's boats** - сжечь мосты, не оставить путей к отступлению.

Джек Фергюсон сначала увлекся лоботомией, как способом борьбы с недугом, но разочаровался, так как, по словам П. Крюи, операции «врывались инструментом вроде ледового топорика в мозги неистовавших больных», и «Джек чувствовал отвращение к этой свирепой операции» [6, 55].

В возрасте 44 лет он устроился на работу психиатром в больницу штата Индиана. Его любовь по отношению к людям позволила ему быть не просто врачом-надзирателем в психиатрической больнице. Он опрашивал каждого пациента о результатах приема того или иного лекарства, был очень внимателен к здоровью людей, тщательно анализировал их состояние.

Среди его заметок имеется следующее двустушие:

«Высокий ум безумию сосед,

Границы твердой между ними нет» [6, 94].

Из-за увлеченности работой, отсутствия внимания к ней, от него уходит жена Мэри, и наш герой обращается к алкоголю, как средству успокоения, что приводит к очередному временному умственному помешательству. Члены общества «Анонимных алкоголиков» помогают ему вылечиться, он хорошо усвоил одно из правил общества: «Поскольку в тяжелые минуты люди протянули мне руку помощи, я должен в свою очередь послужить людям» [6, 91].

Он прочел у Ф.М. Достоевского, что «мы все ответственны за общую вину», он понял, «что он виноват». «Он не стал определять границу между своей болезнью и грехом. Он сумел правильно разобраться в этом деле. Не оставалось никаких сомнений в его тяжелой психической болезни. Но результаты этой болезни - жестокость Фергюсона к Мэри, его бегство от больных, которые нуждались в нем, верили в него - эти результаты были грехом Джека Фергюсона. Это было преступление против человечества» [6, 99]. «Однако не меньшим преступлением против

человечества была нейрохирургическая оргия, проведенная бригадой нейрохирургов, свершивших более 400 лоботомий. Для Фергюсона без всякой статистики было ясно, что если методы лечения не помогают, надо испробовать другие. Этим соображением он и руководствовался в подходе к безнадежным неизлечимым хроникам. Такова была его простая философия, так рассуждал сидевший в нем сельский врач, так подсказывала ему его честность» [6, 110]. Эта честность была одним из самых сильных оптимизаторов его личности.

Вскоре Джек должен был снова вернуться на подготовительные курсы, снова пройти целый год профессионального обучения, его работоспособность и дальнейшая характеристика его трудовой деятельности приобрела волнообразный характер. П. Крюи недоумевает: «Почему так не повезло Джеку Фергюсону? Не обладая психологическим чутьем Достоевского, я затрудняюсь это объяснить. Почему он растрчивался по мелочам все эти годы? Что делало до сих пор его карьеру такой печальной цепью блистательных неудач? Джек объясняет это тем, что ему претило однообразие и не хватало настойчивости в преодолении препятствий - таких, например, как безденежье. Но, по-моему, это не объяснение. Масса юношей осиливает курс медицины - масса молодых парней, далеко уступающих Джеку в энергии, сообразительности, фотографической памяти, не обладающих его способностью привлекать к себе людей и так хорошо улыбаться. А они легко преодолевают трудности одной из самых строгих научных дисциплин - медицины и получают врачебные дипломы» [6, 67].

Подробно описывая злоключения Джека Фергюсона и его победы, автор отмечает, что ни в научной, ни в художественной литературе, нет такого качества, которое могло бы объяснить волнообразность в трудоспособности Фергюсона, которая приводит его на все новые витки неудач: «Все неудачи Джека Фергюсона я могу приписывать только отсутствию у него одного качества, определение которого не найти ни в научном, ни в психологическом толковом словаре. Это качество известно среди призовых борцов, футболистов и солдат-пехотинцев некоторые проявляют его в моменты наивысшего напряжения, и называется это качество «мокси». Джек обладал многосторонними способностями, имел почти все, что требовалось от него в то время, за исключением «мокси» [6, 68].

На профессиональном языке психологов так называемое «мокси» может быть названо «стрессоустойчивостью». На наш взгляд, стрес-

соустойчивость – это самый мощный жизненный оптимизатор для достижения цели.

Мы не согласны с П. де Крюи. Мы считаем, что Д. Фергюсон обладал таким целевым оптимизатором, как «мокси».

«... начиная с 1941 года, когда он (Фергюсон) снова начал добиваться врачебного диплома, чтобы стать рядовым практикующим врачом, умеющим лечить больных и грешников, заблудших и убитых горем» [6, 68] - этот период можно считать повышением стрессоустойчивости у Джека Фергюсона. Его самочувствие компенсировала работа с пациентами, а проявление любви к больным стабилизировало его психотерапевтическую активность. Попытки творить нашли свой выход в экспериментах по инновационной фармакотерапии, когда он начал добавлять к релаксантам более активные препараты, нормализующие поведение. «Каждый день серпазил, ритарин и френкель плюс нежная, любовная забота показывали Джеку, что эта комбинация восстанавливает крепкую нормальную психику у всё большего числа хроников» [6, 195].

По заданию доктора Уильяма Лоренса - врача, который первый сумел получить светлые промежутки у безнадежных хронических психотиков благодаря химической терапии, - Фергюсон, не стремившийся к научным званиям и написанию научных трудов, пишет рукопись своей книги об опыте фармакотерапии при лечении им психических больных и получает воодушевляющий отзыв. Лоренс восхищается его прозорливостью, знаниями и мужеством, которые позволили ему получить столь многообещающие результаты в работе.

«- Скажите людям, пусть они не огорчаются, что есть только один Фергюсон. Посмотрите, сколько докторов создал Джек Фергюсон из семи сестер-надзирательниц. Путем обучения мы можем подготовить тысячу бойцов против безумия из наших домашних врачей» [6, 229]. Такими словами - напоминанием заканчивает свой рассказ о Джеке Фергюсоне П. Крюи.

Проанализировав оба эти произведения, мы можем сделать выводы об оптимизирующем влиянии конструктивных целей в жизни и трудовой деятельности на человека. Различна мотивация наших героев: Эндрю Мэнсон интересовался научной деятельностью; Джек Фергюсон руководствовался, прежде всего, любовью к больным, которая составила основу его практической психотерапии. Однако результаты, которых они смогли достичь в своих областях, были фундаментальны и имели огромное значение для развития науки и лечения больных. Благодаря

своей целеустремленности, волевым качествам, личностной и социальной стрессоустойчивости оба врача обеспечили успешность своей профессиональной деятельности.

Одним из ярких примеров деградации личности ввиду ингибирующего отсутствия цели жизни, любви к профессии и к людям является деятельность врача, главного героя рассказа А.П. Чехова «Ионыч» [15].

Губернский город С славился своей скукой и однообразием жизни, хотя в городе и были библиотека, театр, клуб, устраивали балы, жили интересные и умные семьи. Доктора Старцева Дмитрия Ионыча только что назначили земским врачом в поселке Дялиже, где он познакомился с дочерью Ивана Петровича Туркина Екатериной Ивановной. Семья Туркиных, по мнению местных жителей, считалась образованной и талантливой: глава семьи устраивал любительские спектакли, знал много анекдотов, любил шутить и острить, правда, шутки его были довольно плоски и неостроумны; его жена Вера Иосифовна писала романы, а дочь играла на рояле. Старцев бывает у Туркиных довольно часто, делает попытки ухаживать за Екатериной Ивановной, Котиком, как называют её родители. И вот однажды, после чаепития, он пытается объясниться с ней, она же, играя с ним, назначает ему свидание на кладбище в полночь. Понимая, что это-«блажь», он все равно в назначенное время приезжает на место. Никто не пришел, он подождал примерно полчаса, потом прошелся по боковым аллеям, он понимал, что никто не придет, но «Как в сущности нехорошо шутит над человеком мать-природа, как обидно сознавать это! Старцев думал так, и в то же время ему хотелось закричать, что он хочет, что он ждет любви во что бы то ни стало; перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным...» [15, 239]. Это «любовное свидание» он не забудет даже спустя четыре года, оно оставит в его душе неизгладимый, неизлечимый след.

На следующий день он попытался сделать Екатерине Ивановне предложение стать его женой, но получил отказ, «...извините, быть вашей женой я не могу. Будем говорить серьезно. Дмитрий Ионыч, вы знаете, больше всего в жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. Я хочу быть артисткой, я хочу славы, успехов, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить в этом городе, продолжала эту пустую, бесполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Сде-

латься женой — о нет, простите! Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели, а семейная жизнь связала бы меня навеки» [15, 241].

Постепенно Старцев пополнел, раздобрел, неохотно ходил пешком, жизнь утратила для него свои краски, появились пренебрежение и надменность по отношению к окружающим.

Он не обладал эмпатией, больные раздражали его даже своим видом, не говоря уже о разговорах и взглядах на жизнь. Он пытался заговаривать с ними о либерализме, об отмене смертной казни, а они смотрели на него искося, недоверчиво и спрашивали: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?» А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить. При всем том его собеседники не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чем говорить с ними. И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт, и когда заставлял в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку; и всё, что это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, он чувствовал раздражение, волновался, но молчал, и за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе «поляк надутый», хотя он никогда поляком не был» [15, 243]. «Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти» [15, 243].

Все его развлечения сводились к игре в винт каждый вечер по три часа, он уклонялся от посещений театра и концертов. Правда было у него ещё одно развлечение «в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это — по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек — желтых и зеленых, от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью, — было понапихано во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счет» [15, 243].

Старцев почти не посещал Туркиных после отъезда Екатерины Ивановны, был только два раза по врачебным делам. Но однажды он получил письмо от Веры Иосифовны с просьбой

приехать и облегчить её страдания от мигрени. В письме также была приписка, что Екатерина Ивановна также присоединяется к просьбе мамы. Старцев подумал и поехал навестить Туркиных.

Вера Иосифовна, уже сильно постаревшая, с белыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала: — Вы, доктор, не хотите ухаживать за мной, никогда у нас не бываете, я уже стара для вас. Но вот приехала молодая, быть может, она будет счастливее» [15, 244].

Старцев наблюдал за Екатериной Ивановной: «...это была Екатерина Ивановна, а не Котик; уже не было прежней свежести и выражения детской наивности. И во взгляде, и в манерах было что-то новое — несмелое и виноватое, точно здесь, в доме Туркиных, она уже не чувствовала себя дома» [15, 244]. Что-то в ней уже не доставало ему, или, наоборот, было что-то лишнее, но что-то мешало Старцеву испытывать к ней прежние чувства.

Она отметила, что он пополнел, а на вопрос о том, как он поживает, Старцев ответил, что «...никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?»

— Но у вас работа, благородная цель в жизни. Вы так любили говорить о своей больнице... И конечно, я вас не понимала тогда, но потом, в Москве, я часто думала о вас. Я только о вас и думала. Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье!...

Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас» [15, 246].

Он разочаровался в ней, разочаровался в людях... Больше он никогда не бывал у Туркиных.

Прошло ещё несколько лет. Старцев ещё больше пополнел, страдает ожирением, тяжело дышит и уже ходит, откинув голову назад. Он жаден, характер стал тяжёлым и раздражительным, хамит пациентам. «Он одинок. Живется ему скучно, ничто его не интересует» [15, 246].

Недостаточность стрессоустойчивости доктора Старцева, отсутствие любви не только к больным, но и в личной жизни, отсутствие оптимизирующей нравственной цели, привели к личностной и профессиональной деградации Дмитрия Ионыча Старцева.

Основу психологической профессионально-личностной деградации доктора Старцева со-

ставил апатоабулический синдром, который развивался на фоне мещанства в деревенской среде, сниженной мотивации, и особенностей характера данной личности. Ещё одним ярким примером в русской литературе развития апатоабулического синдрома можно считать роман А.И. Гончарова «Обломов» [3].

Автор очень ярко и образно описывают среду, в которой рос Илья Ильич Обломов. Спокойствие и тишина, рассказы няньки о сказочных героях, об удали богатырей русских, о спящих царевнах, о злых разбойниках, которая затем «с тою же животрепещущею верностью подробностей и рельефностью картин» переходила к современной демонологии, к мертвецам, оборотням, лешим: «Страшна и неверна была жизнь тогдашнего человека; опасно было ему выйти за порог дома: его, того гляди, заперет зверь, зарежет разбойник, отнимет у него всё злой татарин, или пропадет человек без вести, без всяких следов.

А то вдруг явятся знамения небесные, огненные столпы да шары; а там, над свежей могилой, вспыхнет огонек, или в лесу кто-то прогуливается, будто с фонарем, да страшно хохочет и сверкает глазами в темноте» [3, 110].

Илья Обломов растет в атмосфере, где «сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка» [3, 110]. Когда он взрослым узнает, что все это выдумки, это ощущение мечты о сказочном мире, где «только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей» [3, 110] останется у него навсегда. Эти ингибиторы спровоцируют его создавать свой несбыточный, сказочный мир, и в нем утолять мечты и грёзы праздного воображения.

Именно этот ход мыслей послужил основой для формирования мифологического мышления Ильи Обломова. Будучи ребенком, он жил переполненный ужасом, его воображение то бурлило, то затухало: «Ощупью жили бедные предки наши; не окрыляли и не сдерживали они своей воли, а потом наивно дивились или ужасались неудобству, злу и допрашивались причин у немых, неясных иероглифов природы.

Смерть у них приключалась от вынесенного перед тем из дома покойника головой, а не ногами из ворот; пожар — от того, что собака выла три ночи под окном; и они хлопотали, чтоб покойника выносили ногами из ворот, а ели всё то же, по стольку же и спали по-прежнему на голой траве; воющую собаку били или сгоняли со двора, а искры от лучины все-таки сбрасывали в трещину гнилого пола» [3, 111]. У главного героя формировался тревожно-мнительный ингибиру-

ющий характер - основа психастеноидной акцентуации.

Мать баловала его, все вокруг заботились только о том, чтобы ребёнок был всегда весел и много ел. Мать ставила перед собой и нянькой задачу: «выходить здоровенького ребенка, беречь его от простуды, от сглаза и других враждебных обстоятельств» [3, 111].

Такое воспитание и окружение не способствовали формированию оптимизирующей нравственной цели, сильной воли, целеустремленности, наоборот, с одной стороны, страх и тревога, следствия тревожно-мнительного характера, с другой, - вседозволенность и богатое воображение, привели также и к дополнительной истероидной акцентуации.

Автор противопоставляет Обломовым семью Штольца как олицетворение оптимизирующей целеустремленности.

В противоположность воспитанию Обломовых, отец Андрея Штольца не баловал его. По отцу он был немец, а по матери - русский. Мать всегда волновалась за него, «с беспокойством смотрела, как Андрюша исчезал из дома на полсутки, и если б только не положительное запрещение отца мешать ему, она бы держала его возле себя» [3, 140].

Воспитание отца было суровым, ему разрешалось всюду бегать, драться, так как отец считал: «Что за ребенок, если ни разу носу себе или другому не разбил?» [3, 141]. Он приучал его к труду, различным строительным работам. Андрей прекрасно учился, и отец «сделал его репетитором в его маленьком пансионате». Он положил ему жалование, как мастеровому, и ежемесячно заставлял расписываться в бухгалтерской книге о полученных десяти рублях. Затем Андрей был отправлен учиться в Германию. Такое воспитание способствовало формированию у Андрея целеустремленности, трудолюбия, цели стать серьезным профессионалом.

Описание Андрея Штольца представлено автором четко и лаконично: «Он весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь. Он худощав; щек у него почти вовсе нет, то есть есть кость да мускул, но ни признака жирной округлости; цвет лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленоватые, но выразительные.

Движений лишних у него не было. Если он сидел, то сидел покойно, если же действовал, то употреблял столько мимики, сколько было нужно.

Как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей

жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Две стороны шли параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но, никогда не запутываясь в тяжелые, неразрешаемые узлы» [3, 147]. Он служил, затем вышел в отставку, постоянно в делах, своими трудами нажил дом и деньги, успевает ездить в свет и даже читать.

Они ровесники с Ильёй Обломовым. Обоим за тридцать. Автор как бы противопоставляет этих двух людей.

Андрей Штольц, получивший трудовое воспитание, идет по жизни твердо и бодро, оправдывая затраты каждого дня: «Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца.

Кажется, и печалью, и радостями он управлял как движением рук, как шагами ног или как обращался с дурной и хорошей погодой.

Он распускал зонтик, пока шел дождь, то есть страдал, пока длилась скорбь, да и страдал без робкой покорности, а больше с досадой, с гордостью, и переносил терпеливо только потому, что причину всякого страдания приписывал самому себе, а не вешал, как кафтан, на чужой гвоздь.

И радостью наслаждался, как сорванным по дороге цветком, пока он не увял в руках, не допивая чаши никогда до той капельки горечи, которая лежит в конце всякого наслаждения» [3, 148].

Больше всего он боялся воображения, загадочному и таинственному не было места в его душе. Он чувствовал землю под ногами, все, что не могло быть подвергнуто анализу, он считал оптическим обманом. У него не было идолов; не ослепляясь красотой людей, он не унижал достоинства мужчины, не был рабом красавиц, не испытывал огня страстей. Он сохранил целеустремленность, силу души и крепость тела, смог избежать мечтательного пустозвонства [3].

Илья Обломов, в силу своего воспитания, обладал во многом ингибирующим характером: непрактичен, излишне чувствителен, без целей в жизни, непоследователен и фантазер. Штольц отмечает его апатичность, ничто его не занимает, идеи по переустройству хозяйства так и остаются только идеями. Его мечты о женщине - это мечты об идеале, это «воплощение целой жизни, исполненной неги и торжественного покоя, как сам покой»: «Обломову, среди ленивого лежания в ленивых позах, среди тупой дремоты и среди вдохновенных порывов, на первом плане всегда

грезилась женщина как жена и никогда — как любовница... Он никогда не хотел видеть трепета в ней, слышать горячей мечты, внезапных слез, томления, изнеможения и потом бешеного перехода к радости. Не надо ни луны, ни грусти. Она не должна внезапно бледнеть, падать в обморок, испытывать потрясающие взрывы...» [3, 182].

Но вот Обломов влюбляется в Ольгу Ильинскую, и эта любовь должна бы была встряхнуть его, но его психастеноидные ингибиторы характера такие, как неуверенность, мнительность и тревожность, отвернули от него Ольгу. Она поручает Штольцу опекать его, который пытается расшевелить его, заставить читать книги, газеты и каждый день рассказывать Ольге новости, писать письма в деревню, закончить план устройства имения. Ольга придумала план, «как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать, — она не позволит ему даже прилечь на диване днем: возьмет с него слово... и Штольц не узнает его, воротясь.

И всё это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она — виновница такого превращения!» [3, 184].

В общении с Ольгой Обломов как истинный психастеноидный акцентуант, постоянно мучался сомнениями, если его мечты уносили его далеко, то тут же сомнения одолевали его, он начинал самоуничижать себя, фантазировать о внутреннем мире возлюбленной и более достойных кандидатах на её любовь.

Сомнения приводили Обломова в невротические состояния, которые не могли благотворно отразиться на взаимоотношениях с близкими людьми. Ольга Сергеевна Ильинская устала от вечного нытья Обломова и вышла замуж за Штольца.

Илья Обломов женился на хозяйке квартиры, в которую переехал, женщина всей душой привязалась к Илье Ильичу, родила ему ребенка, которого Обломов в честь Штольца назвал Андреем. Супруга ингибирующее воздействовала на И.И. Обломова: закармливала его, потакала сибаритству и безделью, что привело к апоплексическому удару (инсульту). Штольц приехал навестить друга и забрать домой.

«Обломов очнулся: перед ним наяву, не в галлюцинации, стоял настоящий, действительный Штольц.

Хозяйка быстро схватила ребенка, стащила свою работу со стола, увела детей; исчез и Алексеев. Штольц и Обломов остались вдвоем, молча и неподвижно глядя друг на друга. Штольц так и пронзал его глазами.

— Ты ли это, Андрей? — спросил Обломов едва слышно от волнения, как спрашивает только после долгой разлуки любовник свою подругу.

— Я, — тихо сказал Андрей. — Ты жив, здоров? Обломов обнял его, крепко прижимаясь к нему.

— Ах! — произнес он в ответ продолжительно, изливая в этом «ах» всю силу долго таившейся в душе грусти и радости, и никогда, может быть, со времени разлуки не изливавшейся ни на кого и ни на что. Они сели и опять пристально смотрели друг на друга.

— Здоров ли ты? — спросил Андрей.

— Да, теперь слава Богу.

— А был болен?

— Да, Андрей, у меня удар был...

— Возможно ли? Боже мой! — с испугом и участием сказал Андрей. — Но без последствий?

— Да, только левой ногой не свободно владею... — отвечал Обломов.

— Ах, Илья, Илья! Что с тобой? Ведь ты опустился совсем! Что ты делал это время? Шутка ли, пятый год пошел, как мы не видались!

Обломов вздохнул.

— Что ж ты не ехал в Обломовку? Отчего не писал?

— Что говорить тебе, Андрей? Ты знаешь меня и не спрашивай больше! — печально сказал Обломов.

— И всё здесь, на этой квартире? — говорил Штольц, оглядывая комнату, — и не съезжал?

— Да, всё здесь... Теперь уж я и не съеду!

— Как, решительно нет?

— Да, Андрей... решительно.

Штольц пристально посмотрел на него, задумался и стал ходить по комнате.

— А Ольга Сергеевна? Здорова ли? Где она? Помнит ли?... Он не договорил.

— Здорова и помнит тебя, как будто вчера расстались. Я сейчас скажу тебе, где она.

— А дети?

— И дети здоровы... Но скажи, Илья: ты шутишь, что останешься здесь? А я приехал за тобой, с тем чтоб увезти туда, к нам, в деревню...

— Нет, нет! — понизив голос и поглядывая на дверь, заговорил Обломов, очевидно встревоженный. — Нет, пожалуйста, ты и не начинай, не говори...

— Отчего? Что с тобой? — начал было Штольц. — Ты знаешь меня: я давно задал себе эту задачу и не отступлюсь. До сих пор меня отвлекали разные дела, а теперь я свободен. Ты

должен жить с нами, вблизи нас: мы с Ольгой так решили, так и будет. Слава Богу, что я застал тебя таким же, а не хуже. Я не надеялся... Едем же!.. Я готов силой увезти тебя! Надо жить иначе, ты понимаешь как...

Обломов с нетерпением слушал эту тираду.

— Не кричи, пожалуйста, тише! — упрашивал он. — Там...

— Что там?

— Услышат... хозяйка подумает, что я в самом деле хочу уехать...

— Ну так что ж? Пусть ее думает!

— Ах, как это можно! — перебил Обломов. — Послушай, Андрей! — вдруг прибавил он решительным, небывалым тоном, — не делай напрасных попыток, не уговаривай меня: я останусь здесь.

Штольц с изумлением поглядел на своего друга. Обломов покойно и решительно глядел на него.

— Ты погиб, Илья! — сказал он. — Этот дом, эта женщина... весь этот быт... Не может быть: едем, едем!

Он хватал его за рукав и тащил к двери.

— Зачем ты хочешь увезти меня? Куда? — говорил, упираясь, Обломов.

— Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь! — настаивал Штольц строго, почти повелительно. — Где ты? Что ты стал? Опомнись! Разве ты к этому быту готовил себя, чтоб спать, как крот в норе? Ты вспомни всё...

— Не напоминай, не тревожь прошлого: не воротишь! — говорил Обломов с мыслью на лице, с полным сознанием рассудка и воли. — Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь две разорванные половинки. Я прирос к этой яме большим местом: попробуй оторвать — будет смерть» [3, 415].

Обломов прекрасно понимает ужас своего состояния, но также он понимает, что назад пути нет. Единственное о чем он просит, чтобы Ольга не появлялась там.

«— Ты ли это, Илья? — упрекал он. — Ты отталкиваешь меня, и для нее, для этой женщины!.. Боже мой! — почти закричал он, как от внезапной боли. — Этот ребенок, что я сейчас видел... Илья, Илья! Беги отсюда, пойдём, пойдём скорее! Как ты пал! Эта женщина... что она тебе...

— Жена! — покойно произнес Обломов. Штольц окаменел.

— А этот ребенок — мой сын! Его зовут

Андреем в память о тебе! — досказал Обломов разом и покойно перевел дух, сложив с себя бремя откровенности.» [3, 416].

Это сообщение ошарашило Штольца, он изменился в лице и не мог сказать ни слова. «Его друга Обломова как будто не стало», он ощутил жгучую тоску, «которую испытывает человек, когда спешит с волнением после разлуки увидеть друга и узнает, что его давно уже нет, что он умер.

— Погиб! — машинально, шепотом сказал он» [3, 417].

Последнее, о чем попросил Обломов Штольца, было не забыть маленького Андрея.

На расспросы Ольги об Обломове, Штолец предпочел не говорить ничего, только мрачно ответил: «Обломовщина!» [3, 417].

Спустя год у Обломова повторился апоплексический удар, он миновал благополучно, но Илья Ильич стал бледен, слаб, ел мало и почти не выходил из дома. В предчувствии близкой смерти он становился все молчаливее и задумчивее, иногда даже плакал: он боялся её. Однажды утром Агафья Матвеевна, принесла ему кофе, нашла его мертвым.

После смерти Обломова Штольца взяла на воспитание Андрюшу. Агафья Матвеевна с радостью отдала ребёнка на воспитание, так как считала, что там его настоящее место, «а не тут «в черноте», с грязными ее племянниками, детками братца» [3, 419]. Штолец уговаривал её поехать жить к ним в деревню, но она отказывалась. Ото всех доходов имения Обломова, которые ей причитались, она отказывалась в пользу сына, просила беречь для него.

Гончаров И.А. заставляет читателя задуматься: а всегда ли были цели Штольца оптимизирующими и благородными, и всегда ли Обломов был безвольным и нецелеустремленным? Ведь И. Обломов на безнравственное предложение Штольца Обломову покинуть семью ответил твердым волевым отказом, несмотря на то, что избранный жизненный путь был сложнее.

Итак, попробуем сделать выводы.

Наше исследование художественной литературы раскрывает особенности вербальной характеристики формирования и достижения цели героями произведений в связи с профессиональной деятельностью и личной жизнью, которая отличалась в зависимости от следующих факторов:

Фактор специфики, например, врачебной деятельности. В зависимости от специфики деятельности, менялась и цель: она могла быть оптимизирующей и ингибирующей.

Главные и ситуационные цели Джека Фергюсона, который проводил работу с больными в условиях психиатрической клиники, пытались опробовать различные варианты оптимизирующего общения и установление теплых контактов, проявлял сочувствие и сопереживание, часто отличались от целей доктора Мэнсона и доктора Старцева. Последний, в свою очередь, не проводил исследований и не проявлял сочувствия к пациентам. Работа не приносила доктору Старцеву удовольствия, единственное удовольствие ему доставляли деньги. Доктор Мэнсон, исследовал профессиональные заболевания горняков, проводил исследования, выявлял закономерности, что являлось оптимизатором профессионально-личностного роста.

Каждый врач обладал своими психологическими особенностями личностных акцентуаций, которые могли быть как оптимизирующими, так и ингибирующими, что отразилось на особенности формирования и достижения жизненных и профессиональных целей.

Один - доктор Мэнсон - активно борется за свои интересы и цели, вступает в конфликт с косным миром корыстолюбцев. Другой - доктор Фергюсон - «незаметный труженик на своем посту», как характеризует его автор. У него явно превалирует гипертимная акцентуация, но в силу специфики работы ему приходится проявлять выдержку и спокойствие. Доктор Старцев принимает большое количество пациентов и ведет активную практику исключительно из-за материальной выгоды, что является ингибитором профессионально-личностного роста.

На формирование и достижение поставленных целей в трудовой деятельности не малое влияние оказал тип мотивационного профиля героев произведений.

Гипертимная акцентуация характера Эндрю Мэнсона проявилась в высокой работоспособности и большой энергичности, а эпилептоидная акцентуация – в тщательности оформления наблюдений в таблицах. Ступенчатая типология мотивации определила ровный стиль, педантичность и последовательность клинических исследований и поисков, которые вылились в написание диссертации.

Циклоидная акцентуация Джека Фергюсона вербально характеризовалась цикличностью периодов высокой работоспособности и психознергетики, которые потом сменялись периодами ухудшения настроения и снижением работоспособности. Это отразилось и на стиле мотивационного профиля, который выражался то в повышенном интересе к причинам болезни,

то в снижении интереса к операциям лоботомии и другим активным способам лечения.

Доктор Старцев - пример стелящегося профиля мотивации с постоянным её ингибирующим снижением.

В исследованных произведениях средовые факторы оказывают, в зависимости от ситуации, то оптимизирующие, то ингибирующие (понижение интереса к работе, снижение тонуса, отчаяние) воздействия на формирование и достижение жизненных и профессиональных целей.

Ингибирующей оказалась среда, окружающая доктора Старцева, для его карьеры и любви.

Сложные ингибирующие взаимоотношения складывались у доктора Мэнсона и доктора Фергюсона с врачами и профсоюзами, которые не принимали и не понимали их новаторства. Однако здесь следует отметить личностные различия этих двух героев: Фергюсон находил в себе силы не только отстаивать свои интересы, выстоять в сложившейся ситуации, но и остроумно отвечать на нападки, находить выходы из сложившихся ситуаций; Мэнсон прибегал к помощи правосудия, отстаивая интересы в суде, не проявляя необходимой гибкости.

Стрессоустойчивость главных героев сыграла важную роль в достижении целей жизни.

Безответная любовь, обвинение в мещанстве, которое Екатерина Ивановна Туркина предъявила ему, стали самыми сильными ингибиторами и оставили в душе доктора Старцева неизгладимый след, став причиной стресса, фрустрации, отвращения к врачебной практике, а затем привели Старцева к физической и нравственной деградации личности. Доктора Мэнсон и Фергюсон проявляют значительно большую стрессоустойчивость. И мы уверены, что Поль де Крюи несправедливо обвиняет Джека Фергюсона в отсутствии стрессоустойчивости («мокси»).

Направленность личности и её социальная устремленность - факторы, оптимизирующие достижение профессиональных и личностных целей героев исследуемых произведений.

Наши герои проявляют оптимизирующие чудеса социальной целеустремленности в борьбе с трудностями, единственное исключение составляет доктор Старцев, ингибирующее снижение целеустремленности у которого очевидно. Джек Фергюсон проявляет сильную волю и оптимизирующую целеустремленность. Его не сломило помещение в психиатрическую клинику и ложное обвинение в проведении большого количества операций лоботомии, которые имели плохой исход.

Писатели раскрывают влияние героев на

окружающих их людей. Положительное оптимизирующее влияние докторов Фергюсона и Мэнсона бесспорно.

Их любовь к пациентам, преданность своему делу укрепляют авторитет врачей, веру больных в выздоровление. Что нельзя сказать о поведении доктора Старцева, действующего на больных крайне депрессивно, ингибирующее.

Отношения автора к своему герою немаловажно при создании его образа. Читатель восторгается целеустремленностью, волей, трудолюбием, результатом которых были блестящие комбинации препаратов доктора Фергюсона, спасшие тысячи психотиков. Огромная работа доктора Мэнсона, проведенная по исследованию профессиональных болезней горняков, является антиподом работы доктора Старцева, заинтересованного только в обогащении.

Образ Обломова нельзя воспринимать односторонне только как ингибирующий образ лентяя. Он символ борьбы единства и противоположностей - это сложная личность, изнеживающее - заласкивающее воспитание которой было направлено на охрану от всякого труда и усилий, что привело к опустошенности, отсутствию жизненных целей и профессиональной деятельности, отчаянию и бессмысленности жизни человека. Драматизм личности заключается в противоречиях и сомнениях, которые остаются только в мечтах и не заканчиваются никакой деятельностью.

Однако Обломову была свойственна оптимизирующая чистота сердца, которую он сохранял даже в мечтах, и за которую его любили Ольга, Штольц, Агафья Матвеевна и даже автор: «...в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, охлаждался, заснул, наконец, убитый, разочарованный, потеряв силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердца не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться» [3, 495]. Вот истинно оптимизирующее влияние Обломова на людей.

Оптимизирующая нравственность цели жизни человека играет огромную роль для его

личностного роста, профессионального становления, успешности и счастья в личной жизни, а также во взаимоотношениях с макро- и микро-социумом. Такая цель является оптимизатором в полном смысле слова. Доказательством этого является влияние высоконравственной цели жизни Чайки Джонатана на его жизненный путь, жизнь и деятельность его учеников, блестящие профессиональные победы Учителя и его учеников [18].

Оптимизирующая цель князя Андрея Болконского возлюбить Божеской любовью всех людей является основой его личностного роста и роста Н. Ростовской [12].

Безнравственная цель жизни Демириса принесла ему духовную деградацию, смерть ему и многим другим людям, окружавшим его [19].

Изучение вербальной характеристики ингибирующего и оптимизирующего воздействия цели жизни на личность на материале произведений художественной литературы, а также лексикографических и фразеологических источников значительно увеличило академическую успеваемость и способствовало личностному росту наших студентов переводческого факультета, где мы проводили экспериментальный курс обучения иноязычному личностно-ориентированному общению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адлер А. Понять природу человека. Пер. Е.А. Цыпина. СПб. : Академический проект, 1997 – 256 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилова А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2004 – 591 с.
3. Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях. // Избранные сочинения. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1990.-575 с.
4. Гройсман А.Л. Основы психологии художественного творчества.- М.: Изд-во «Когито-Центр», 2003-187 с.
5. Кронин А. Цитадель. Пер. с англ. М. Абкиной.- М.: Изд-во «АО Кром», 1993-382 с.

6. Крюи П. Борьба с безумием – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1960-230 с.
7. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь.– М: Живой язык, 1998 – 944 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М: Смысл, 2004 – 352 с.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание – М: МГУ, 1979-320 с.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М: Наука, 2003 – 330 с.
11. Рогов Е.И. Эмоции и воля – М: Владос, 2001-240 с.
12. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. III-IV – М: Эксмо, 2005 – 927 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности – М: Прогресс, 1994 -447 с.
14. Чалкова Е.Г. Фразеосемантические поля англоязычного личностно-ориентированного общения. – М.: Изд-во «Импринт - Гольфстрим», 1998-362 с.
15. Чехов А.П. Ионыч.// Повести и рассказы. – М.: Изд-во «Детская литература», 1970.-608 с.
16. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М: Наука, 1973 -278 с.
17. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М: 1974-264 с.
18. Bach R. Jonathan Livingston Seagull.-N.Y.: 1970-105 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight – N.Y.: Warner Books Inc., 2002.- 404 p.

S. Bukhtiyarova

VERBAL DESCRIPTION PECULIARITIES OF THE PERSONALITY RUINING AND DEVELOPING THE AIM OF LIVING INFLUENCE

Abstract. The article is dedicated to the psycholinguistic verbal description of the personality ruining and developing aim influence in fiction. This influence can determine the personality growth or degradation. It depends on the personality structure.

The semantic field of the aim of living is described in the article.

Key words: linguistics, psycholinguistics, fiction, the semantic field, the aim of living, personality growth, degradation.